

Шаг за шагом

Дин Вэньхуа

Вэньхуа спал беспокойно. Ему было неудобно все время лежать на спине, а любые попытки принять другую позу вызывали резкую боль, из-за чего он просыпался. Снились странные сны, в основном кошмары, в которых везде оказываются вооруженные люди. Вэньхуа пытался прятаться, когда не удавалось убежать, и создавалось ощущение смертельно опасного лабиринта, в котором он заблудился. Проснувшись в очередной раз, он даже подумал, что началась лихорадка, но вскоре снова провалился в сон.

На этот раз он бежал по краю пропасти, слыша отовсюду выстрелы, а затем вдруг увидел, что за ним пристально и с любопытством следят два желтых глаза. Он остановился, и весь мир сузился до этого видения. Затем оно пропало, но за чередой более спокойных образов прорезался следующий сон. Вэньхуа видел огромное бескрайнее небо с редкими облаками, залитое светом яркого, но не обжигающего солнца. Он чувствовал ветер, который казался всесильным и отгонял все проблемы и страхи. А затем в небе появилась серая точка, которая все увеличивалась, пока не удалось в подробностях разглядеть крупную хищную птицу. Сверху её перья были темно-серыми, почти черными, а на животе и оборотной стороне крыльев светло-серыми, рябыми. Птица делала пару взмахов крыльями, затем стремительно вырывалась вперед, замирая каждым пером. Это зрелище завораживало. Вэньхуа казалось, что он хорошо знал хищную птицу, но даже не мог вспомнить её название. А потом он как будто стал проваливаться куда-то назад, во всем теле почувствовалось легкое оцепенение, и Вэньхуа открыл глаза. Сон закончился.

Рана все еще болела, но этим утром Вэньхуа чувствовал себя лучше. Он еще не пробовал вставать, но ему казалось, что сейчас на это могло хватить сил. Вэньхуа осмотрелся, ища взглядом Мэйлин.

Мэйлин Юн

В целом Мэйлин, пока не следила за состоянием Вэньхуа, маялась вынужденным бездельем. Можно бы было набраться окаянства и приобщиться к заботам по дому, но раньше за ней никогда не было особого рвения к ведению быта, да и не была Мэйлин идеальной хозяйкой, хотя бы в половину такой же радетельной, как Зейнаб, поэтому она даже не стала серьезно задумываться над этой идеей.

Девочка оказалась задумчивой и молчаливой, и воспитанной чуть ли в не лучших традициях местной культуры, а потому особого разговора с ней тоже не клеилось. Мэйлин не знала, о чем с ней говорить, и предложила просто поучить ее английскому языку, пока Зейнаб занимается домашними делами. Этот вариант устроил всех, а маленькая хозяйка оказалась благодарной и старательной ученицей. Но даже этому занятию невозможно было посвящать все дни напролет, особенно с утра, когда каждая минута Зейнаб была посвящена чему-то очень важному, вроде кормежки кур или в уборке комнат в сотый раз за эти дни - в такие моменты Мэйлин пряталась в комнате, отведенной Вэньхуа, чтобы не мешать и не слышать робкие

попискивания совести, укоряющие ее за безделье.

Поэтому она в очередной раз разбирала лекарства в переносном холодильнике. Это давало повод думать, что она тоже все-таки занимается чем-то очень важным, даже если это не кормление прожорливых кур. Хотя Мэйлин и так уже наизусть успела выучить, чего сколько у нее осталось, ей нравилось просто копошиться в ампулах и перекидывать с места на место инструменты, для которых не находилось применения. И так было проще корчить из себя очень занятого врача, который не обращает внимания на повседневную суету, а весь-в-себе занятой интеллектуальной работой.

Дин Вэньхуа

- Доброе утро, - сказал Вэньхуа и даже чуть привстал, чтобы лучше видеть Мэйлин.

Она снова перебирала лекарства, как будто там могло возникнуть что-то новое, чего она не заметила с того дня, как они сюда попали. Но вряд ли в этом доме были другие развлечения. Даже если хозяин и держал книги, среди них не возможно было найти что-то на английском или тем более чжунвэни, а телевизор для этих краев был редкостью и роскошью. Тем более в доме, где энергия шла от генератора, и её берегли. Мужчины здесь с женщинами не общались, а с местными женщинами, считавшими самих себя бездушными сосудами для рождения детей, у Мэйлин вряд ли могли найтись общие темы.

- Мне приснился какой-то очень странный сон, - Вэньхуа улыбнулся своим мыслям. - Глупость, наверное, но я видел хищную птицу. Она летала в небе, и, когда я её видел, я переставал бояться.

Вэньхуа не специализировался в психотерапии, лишь изучал некоторые работы, так как считал, что невролог должен знать, как представляют себе психику представители смежных дисциплин. Но сейчас он видел много рационального в идее Калшеда об архетипе daemen. Один из учеников Карла Юнга, Дональд Калшед, в своей книге "Внутренний мир травмы" описывал подобные случаи. В ситуации сильного стресса психика наделяет энергией особый архетип - daemen, который во сне может стать защитником или пугающим чудовищем. С точки зрения адаптивных механизмов психики, было лучше, когда daemen становился защитником.

Мэйлин Юн

На этот раз Мэйлин сидела боком к Вэньхуа, поэтому почти сразу заметила, что он проснулся и тем более попытался привстать на кровати, насколько ему позволяли болезненные ощущения в области ранения. Она улыбнулась и оставила свое бессмысленное занятие, после чего подобралась ближе к кровати Вэньхуа и облокотилась на край, так и оставшись на полу.

- Привет, - Вэньхуа выглядел уже намного лучше, пропала непривычная бледность с лица, да и Зейнаб не жалела сил, чтобы как следует накормить своих гостей. - Да? Какой?

Она внимательно выслушала Вэньхуа. Даже если бы он рассказывал какую-нибудь

психоделику, ей бы все равно было интересно, но что-то в этом сне ее заинтересовало немного больше, чем если бы это был простой, ничего не значащий сон.

- Помнишь, в Цзинлу мы видели ястреба, когда гуляли с Мики? - Мэйлин хорошо помнила эту парящую в небе серую точку, и как она завидовала в тот момент птице, которая могла просто взмахнуть огромными крыльями улететь туда, куда ей хочется. Вот бы сейчас тоже взять и улететь далеко-далеко, хотя попугаи не такие превосходные летуны, как хищные птицы. Цветная курица. Сколько она уже не превращалась? Лет десять, наверное. Иногда Мэйлин тосковала по тем временам, когда она могла свободно пользоваться своей магией и считала ее чем-то само собой разумеющимся, а потом вспоминала, что это ее собственный выбор и она сама добровольно отказалась от использования своих способностей, кроме врачевания, в пользу той жизни, которая у нее была сейчас. Не конкретно в данный момент времени, а вообще сейчас, если брать более глобально.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа задумался. Ему пришлось как следует покопаться в памяти, чтобы найти это воспоминание. Цзинлу и та прогулка с Мики остались будто в прошлой жизни, давным-давно. Но в итоге он вспомнил.

- Да, помню. Птица во сне тоже была ястребом, - сказал Вэньхуа.

Подсознательное могло само оживить ту картинку, которая ассоциировалась с безопасностью, и это давало еще одно хорошее рациональное объяснение странного сна. Психика человека - сложный многоуровневый механизм, и лишь незначительная его часть находилась в фокус внимания, потому не стоило удивляться, когда бессознательное помогало в критической ситуации преодолеть панику и сохранить рассудок.

- Давай, когда вернемся, поедem в отпуск в Цзинлу? - предложил Вэньхуа.

Он мало общался с родителями, пока находился здесь, и надеялся, что им не сообщат никаких пугающих новостей, пока он и Мэйлин будут в этой деревне, не выходя на связь. Иногда удавалось созваниваться всего пару раз в месяц, и всегда он звонил сам, поэтому была надежда, что мать и отца не напугают, сообщив о их с Мэйлин исчезновении.

Мэйлин Юн

- А мне часто снятся попугаи, - улыбнулась она. - Ярко-синие ара.

Мэйлин решила пока ничего не рассказывать Вэньхуа о том, что могли бы значить подобные сны. Во-первых, она прекрасно помнила, как он отреагировал на врачевание, и как сложно ему было просто принять факт, что есть нечто, что он не может объяснить логически, но оно все равно существует, а во-вторых, она не была уверена в том, что это действительно может проявляться звериная сущность. Иногда сны - это просто сны, подсознание человека настолько плохо изучено, что нельзя давать никаких гарантий. Пока это не кошмары, и они не мешают Вэньхуа - пусть так дальше и продолжается. И она не могла подобрать правильные слова,

чтобы все это объяснить мужчине. Одно дело рассказывать об этом тем, кто приходит в Монастырь и видит все это своими глазами, и другое - говорить человеку, который во главе угла ставит рационализм и логику. Наверное, если бы в головном мозге был специальный центр, отвечающий за магию в повседневной жизни, Вэньхуа было бы проще все это осознать и в это поверить. Но такого центра, увы, не было.

- Обязательно, - радостно согласилась Мэйлин. И постаралась откинуть безрадостные мысли, что правильнее бы было сказать не "когда", а "если". - Будем кататься на лошадках, спать до обеда и пускать воздушного змея. Ты научишь меня плавать?

Мэйлин боялась глубокой воды, но теперь это казалось сущей ерундой по сравнению со страхом за собственную жизнь или жизнь Вэньхуа.

Дин Вэньхуа

Было приятно хотя бы мыслями оказаться в Цзинлу. Там лес, дружелюбные горы, зеленые луга и вредные мартышки. Там большой мохнатый Мики. Там можно пить чай с родителями и не бояться, что станут слышны выстрелы.

- Научу, - ответил Вэньхуа. - И покажу тебе там одно очень красивое горное озеро.

Он пока не знал, будут ли после раны какие-то ограничения. Пуля задела сердце, и там была куча вариантов от планомерного полного восстановления работоспособности до серьезных ограничений физических нагрузок. Хотелось верить в первое.

- Плавать намного легче, чем чинить человеческие сердца, - сказал Вэньхуа. - Я уверен, ты быстро научишься.

Ему было интересно, почему Мэйлин снились ярко-синие попугаи, но он не решился её расспрашивать подробнее. Он как-то видел синего ара в зоопарке. Это был по-настоящему огромный попугай: его длина от головы до кончика хвостовых перьев была едва ли не метр. Он бегал по газону за посетителями зоопарка и кланчил еду. Скорее даже требовал, потому что такой птице было страшновато отказать.

- Сегодня мне лучше, я попробую обойтись без обезболивающих, - сказал Вэньхуа.

Мэйлин Юн

Положа руку на сердце, Мэйлин подумала, что ей проще было научиться летать, чем плавать, раз последнее до сих пор так и не осуществилось, но она сама попросила Вэньхуа научить ее, и теперь не планировала отказываться от своих слов. Возможно, она будет слишком плохой ученицей, и ее обучение зайдет в тупик, так что говорить наверняка слишком рано.

- Хорошо, - согласилась Мэйлин. Лидокаина оставалось не так много, а эпинефрин закончился еще вчера, так что в любом случае нужно было экономить. Если Вэньхуа станет хуже, конечно, Мэйлин не будет беречь заветные ампулы, но она надеялась, что сейчас дозы обезболивающих пойдут на спад. Мало ли, когда пригодится эта

последняя ампула, которая в определенном случае даже сможет спасти кому-то жизнь. Например, в том случае, если нападавшие все же вернутся. - Но если станет хуже - сразу скажи мне, не терпи боль, ладно?

Вэньхуа мог начать геройствовать на ровном месте, доказывая, что у него все в порядке и ему не нужны анальгетики просто из желания поскорее оказаться на ногах. Словно от того, что он раньше времени выскочит из кровати, восстановление пойдет намного быстрее. При этом Мэйлин всегда знала, болит ли у него на самом деле, или нет, потому что это было очень просто проверить по ауре. И она надеялась, что Вэньхуа не забывал, что ее в принципе сложно обмануть относительно своего истинного состояния.

- Надо проверить швы. Думаю, с ними все в порядке, но их все равно надо обработать и поменять повязку. И у нас остался последний шприц антибиотиков.

Дин Вэньхуа

- Если температура до сих пор не поднялась, обошлось, - ответил Вэньхуа.

Запас антибиотиков был небольшим, и после сегодняшней дозы его иммунитет должен был справляться как-то сам. Но лихорадки не было, швы накануне были чистыми, а это означало, что курс подействовал. При том, что в их распоряжении не было чего-нибудь сильного типа цефостатиков третьего-четвертого поколения, ведь никому в голову не могло прийти, что они пригодятся в лазарете. Четвертого поколения не было даже в госпитале полковника. До сих пор, несмотря на все мольбы персонала.

Мэйлин совершила какое-то чудо. Огнестрельные раны воспалялись всегда, ранение перикарда грозило миокардитом, но у Вэньхуа не было даже серьезных скачков температуры. С учетом условий, в который Мэйлин оперировала, это было фантастикой. Подумать только, и эта девушка могла сдать из-за того, что в начале её карьеры некий дерматовенеролог вставлял ей палки в колеса. Вэньхуа с удовольствием поменялся бы с ним местами на операционном столе, и при этом понимал, что жив не просто потому, что Мэйлин - кардиохирург, а потому, что она - очень талантливый кардиохирург.

Вэньхуа откинул одеяло и откинулся на подушку, чтобы Мэйлин было удобнее смотреть швы. Катетер из вены давно убрали, но антибиотик предстояло вводить в исколотые вены, потому что при дефиците лидокаина внутримышечная инъекция была крайне нежелательна. Мэйлин пока не разрешала Вэньхуа садиться, но филейные части ему были ему все равно дороги.

Мэйлин Юн

- И чудом обошлось, - поправила Мэйлин. При проведении этой рискованной операции она нарушила по меньшей мере ровно половину санитарных норм, оперировала в сомнительных условиях без хорошего освещения, без необходимых инструментов, с помощью одного только медбрата, что существенно растянуло время операции, потому что их должно было быть как минимум двое хирургов и двое медбратьев, а еще неплохо бы было иметь в компании квалифицированного анестезиолога, а не пачку лидокаина в лучшем случае. Но в тот момент она не

думала о том, что ей чего-то не хватает. Она думала только о том, что Вэньхуа истекает кровью, и если она не сделает хоть что-нибудь, то он умрет. - Повезло, что еще не развился плеврит. Или сепсис.

Она отклеила пластырь, чтобы оценить заживление. Все также некрасиво, да еще и явно собирается заживать вторичным натяжением, от чего потом будет уродливый красный рубец по линии реберной дуги. Но рана была сухой и чистой, немаловажную роль тут еще сыграла убийственная зеленка, которая не дала развиваться никакой гадости и так сушила кожу, что там просто нечему было мокнуть. Закончив обрабатывать, девушка вновь заклеила шов пластырем.

- В Хусин на меня бы в суд подали за это уродство, - Мэйлин даже развеселилась, думая об этом. - И Фэн дайфу отправил бы отрабатывать технику наложения швов на куриной коже. Подержи бинт, пожалуйста.

Мэйлин вручила щедро политый антисептиком бинтовый тампон Вэньхуа и пошла за антибиотиками.

Дин Вэньхуа

- В Хусин у тебя как минимум есть нормальная операционная, нормальный шовный материал, аспираторы и толпа помощников, - заметил Вэньхуа.

Он взял тампон и стал дожидаться, пока Мэйлин вернется. Было любопытно и страшновато думать, как она проводила эту операцию. В доме не было нормального освещения, его не хватало даже для нормального осмотра, приходилось пользоваться фонариками. У Мэйлин не было аспиратора. Более того, если Майк держал фонарик, у него была одна рука подавать инструменты, и рану нужно было шить вслепую. Оптике не было. Инструменты были самыми примитивными. Ночной кошмар хирурга.

Шов заживал вторичным натяжением: на фоне анемии и общего ослабленного состояния организма пролиферация фибробластов и кетариноцитов шла через силу. Это не была вина Мэйлин, это организм был не так жив, чтобы регенерировать достаточно быстро и заживить первичным натяжением шов, в который вошла область, оставшаяся от огнестрельной раны. Мэйлин слишком критично относилась к себе. Она бы еще ожидала, чтобы стало как было.

- Ты спасла мне жизнь в условиях, совершенно не приспособленных для операции, - сказал громче Вэньхуа. - Неужели ты думаешь, что есть кто-то, кто сделал бы лучше?

Мэйлин Юн

- Какая разница, сделал бы ее кто-то лучше или хуже? - пожала плечами Мэйлин, возвращаясь со шприцем. Она забрала у Вэньхуа бинт обратно, обработала сгиб локтя и постаралась найти вену, еще не сильно исколотую иголками, потому что катетер уже пришлось вынуть. У него были хорошие вены, на радость любой процедурной медсестре, но даже самые хорошие вены со временем устают от постоянных инъекций. - Я не стану выдающимся кардиохирургом, если не буду все время стремиться к лучшему, а буду довольствоваться тем результатом, который

получила.

У Мэйлин с самого начала было не самое выгодное и завидное положение в хирургии, все из-за того, что она просто была женщиной. К ней предъявлялись более строгие требования, планки устанавливались все выше, и она должна была всегда самосовершенствоваться, чтобы оставаться на должности кардиохирурга. Потому что на ее ставку быстро бы нашли замену, а терять такое теплое местечко она не планировала. Дело было даже не в оплате ее труда (хотя чего душой кривить, платили более, чем достаточно), а в том, что это было непаханое поле возможностей себя реализовать. Когда все, что от тебя ждут - это что ты будешь варить борщи и рожать детей, доказать обратное бывает очень приятно.

- Как думаешь, это чересчур честолюбиво? - спросила Мэйлин, задумавшись над своими словами. Нормально ли желать самореализации и достижения каких-то заметных результатов, может быть, даже некой известности в области медицины? Или это разумное желание каждого человека, сделать что-то, за что тебя будут помнить или даже напишут про тебя в учебниках? Где кончается желание просто делать свою работу, и делать ее хорошо, и начинается стремление быть замеченной?

Дин Вэньхуа

- Нет, это нормально, - ответил Вэньхуа. - Если бы все операции были всегда успешными, тогда еще можно было бы сомневаться. А сейчас нормально всегда хотеть, чтобы было лучше. Даже если и так сделано невозможное.

Это знакомо любому хирургу. Удаляешь глиобластому, сохраняя максимум функций, но она все равно возвращается через год, три или пять. Или вырезаешь опухоль в области мозжечка, и талантливый скрипач теряет возможность играть, но остается жив. И не знаешь, виноват ты перед ним, или он должен быть тебе благодарен. И мог ли ты сделать операцию иначе, сохранив больше мозговой ткани. Совершены только боги, люди должны всегда стремиться к лучшему, лишь тогда это все имеет смысл.

- Если бы ты когда-то считала иначе, мы сейчас вряд ли бы говорили, - добавил Вэньхуа.

Мэйлин ловко нашла вену и вколола последнюю дозу антибиотика, тем самым обойдясь без уколов в вены на кисти руки.

- Я когда-то работал в ОРИТе и посмотрелся, как спасали безнадежных пациентов те, кого можно было бы считать слишком честолюбивыми.

Мэйлин Юн

- Работа в госпитале многое мне дала и многому научила, это правда полезный опыт, но я все равно хочу обратно в Хусин, - сказала Мэйлин, закрывая иглу шприца колпачком. - Все-таки травматология, и тем более военная хирургия - это не мое. Здесь мне постоянно кажется, что я работаю впустую: я спасаю одного человека, но взамен него убивают другого. И после пятой операции в день все это начинает казаться бессмысленным.

Конечно, люди умирают и в больших городах. Ты делаешь ему операцию по поводу тромбоэмболии легочной артерии, назначаешь диету, чтобы улучшить качество жизни и подарить еще несколько десятков лет до тех пор, пока старость и болезнь не возьмут свое, а через пару лет он возвращается к тебе все с той же проблемой, да еще и ожирением. И уже не всегда удается спасти человека, который пренебрег своим здоровьем в угоду своим же минутным желаниям. Но это дело каждого человека. Здесь, в условиях военных действий, твоя жизнь и твое здоровье зависят не от тебя самого, а от кого-то другого, кто зачастую даже ничего не имеет лично против тебя. Просто у него есть приказ, и он ему следует. Это все так нелепо.

- Ладно, - Мэйлин все же решила не заикливаться на этом. - Я просто рада, что у меня все получилось, и ты идешь на поправку.

Было бы лучше вообще этого ранения избежать, но не всегда удается получить желаемое - тогда просто приходится мириться с тем, что есть. Сегодня закончилась последняя доза антибиотиков, и за состоянием Вэньхуа нужно будет следить немного тщательнее, потому что организм все еще был значительно ослаблен. Не хватало только отсроченного эффекта, который сбросит на нет все усилия.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа кивнул, когда Мэйлин сказала о том, что просто рада своему успеху. Бессмысленно рассуждать, насколько оправдана их работа в госпитале, когда рядом убивали больше, чем они могли спасти. Этот контракт был каторгой, и Вэньхуа хотел, чтобы он подошел к концу, и жизнь вернулась в привычное русло. Насколько она теперь вообще могла в него вернуться.

- Я хочу побриться, - сказал Вэньхуа.

Он всегда тщательно следил за собой, а теперь оброс щетиной, которая мало того, что чесалась и бесила, напоминала о его беспомощности. Мэйлин никогда не видела его небритым. Максимум - после суток на работе, но не настолько похожим на пещерного человека.

Они брали в лазарет разовые станки, которые могли пригодиться при проведении незначительных операций, но вряд ли Мэйлин сочла нужным брать их сюда с собой. Вэньхуа считал, что бритву мог раздобыть Дауд или Тарик на деревенском рынке, несмотря на то, что здешние мужчины предпочитали отпускать бороду.

- Чувствую себя неандертальцем, - сказал Вэньхуа и грустно улыбнулся.

Мэйлин Юн

- А мне кажется тебе идет эта небритость, - ответила Мэйлин. - Она так смешно колется, - она коснулась кончиками пальцев щетины на щеке Вэньхуа. Это было очень необычно, потому что Вэньхуа брился даже в выходные, когда можно было никуда не выходить из дома и отращивать бороду. Она ничего не имела против его щетины, но уважала его желание привести себя в порядок, если бы так он чувствовал себя комфортнее. - И до Дауда тебе еще далеко. Настоящие мужчины вообще не бреются! Как думаешь, почему? Может, так теплее?

Особенно в здешних условиях, когда днем не знаешь, куда деться от жары, да и ночи здесь относительно теплые, несмотря на кажущуюся прохладу. Здесь и снега-то никогда, наверное, не выпадает, не считая того, что лежит высоко в горах. Как бы то ни было, Мэйлин хотела немного развеселить Вэньхуа, который совсем скис от такой ерунды, как небритость на щеках.

- Я оставила бритвенные станки в лазарете, когда уходила. Не подумала, что они могут понадобиться, они, скорее всего, так там и лежат, - во всяком случае, в пакете с инструментами, когда она собирала все необходимое, их не оказалось. Да и лежали они отдельно, все же, никто не предполагал, что они действительно потребуются, их взяли-то только на всякий случай, чем из реальной необходимости. - Спрошу у Дауда или Зейнаб.

Дауд, которого Мэйлин нашла во дворе под навесом (сегодня был выходной и, чем бы он там не занимался в деревне, работать сегодня запрещалось) любезно согласился выделить искомое, так что обратно в комнату Мэйлин возвращалась с гордым видом добытчика.

- На вот, сбривай свое истинное украшение мужчины. Дауд сказал, что талибы вообще даже за отсутствие бороды могут озлобиться. Сказал, что уважает твое решение, но понадеялся, что ты передумаешь.

Дин Вэньхуа

- Я думаю, им просто лень, - ответил Вэньхуа.

Он не считал, что борода его украшает. Как у любого ханьца, у Вэньхуа усы и борода были тонкими, отрастали клоками и смотрелись так себе. Да и не хотелось, когда удастся выходить на улицу, загореть пятнами.

Мэйлин смогла раздобыть бритву, и принесла также ковш с водой и мыло, несмотря на то, что хозяин дома отговаривал Вэньхуа бриться.

- Мне интересно, что их не разозлит, - заметил Вэньхуа. - Спасибо. Как думаешь, Зейнаб или Дауд смогут дать еще и зеркало?

Бриться без него было теоретически возможно, практически непросто. Можно было порезаться или оставить пару клочьев на самом видном месте, отчего внешний вид не стал бы более приемлемым для Вэньхуа, чем отросшие усы и бородка.

Наверное, примерно так Мэйлин чувствовала себя с травмой руки, пытаясь собрать волосы. Вроде мелочь, но для человека в ситуации, когда он чувствует себя выбитым из колеи, важно внешне стать привычным собой. Это как будто позволяет чувствовать, что все не так страшно, и скоро вернется к нормальному привычному состоянию. Что вот тот бородатый парень лежал пластом с раной в груди, а ты уже будешь бегать как ни в чем не бывало.

Мэйлин Юн

Мэйлин постаралась представить себе Вэньхуа с такой же густой и длинной черной

бородой, как у Дауда или местных деревенских мужчин, и не смогла. Максимум, что она могла вообразить - это недлинную и редкую бородку, какие иногда можно увидеть у очень старых тибетских монахов. Так вот такая борода ему точно не шла.

Про зеркало она совсем не подумала. Ей казалось, она захватила все необходимое - самое главное, это воду, мыло и бритву, и как-то не догадалась, что Вэньхуа будет неудобно бриться на ощупь, не видя своего отражения. Сказав, что сейчас вернется, Мэйлин снова вышла из комнаты и на этот раз поинтересовалась уже наличием зеркала. Ей было неудобно обо всем этом просить хозяев дома, потому что она не считала это предметами первой надобности, но, с другой стороны, в ее просьбе не было ничего такого, что могли бы расценить как неуважение или, не приведи небеса, попытку присесть на шею. Мэйлин просто никогда не любила просить о помощи и всегда пыталась справиться своими силами.

- У нее есть только такое, - вернувшись, она протянула Вэньхуа карманное круглое зеркальце размером с половину ладони. - Большое висит в комнате Зейнаб, не думаю, что тебя туда пустят.

Мужчинам, если он не хозяин дома, конечно, и не отец или муж женщины, ходу на женскую половину дома не было. Даже Дауд, насколько Мэйлин поняла, старался лишний раз без крайней необходимости не заходить в комнату младшей сестры, несмотря на то, что ей было лет двенадцать, не больше, то есть она была еще совсем ребенком. Только вот иногда таких девочек у подобном возрасте уже могли выдать замуж. Дикие нравы.

Дин Вэньхуа

- Обойдусь этим, спасибо, - сказал Вэньхуа и взглянул на себя в крошечное карманное зеркало.

Небритость была не главной его проблемой. Он выглядел хуже, чем предполагал, но примерно так, как в учебниках анатомии описываются симптомы анемии. Кожа была бледной, из-под загара лиловой, склеры голубые, конъюнктивы белые, под глазами заметные синяки.

Вэньхуа не сразу приноровился бриться лежа, но умудрился даже ни разу не порезаться. Иначе с его профессией это было бы позором. Он придирчиво осмотрел лицо и шею в зеркале, высматривая, не пропустил ли где не выбритые участки, но в итоге остался доволен результатом.

- Мне так привычнее, - сказал Вэньхуа Мэйлин. - Не могу ходить заросшим.

Его отец носил усы и бороду, но Вэньхуа никогда не имел такой привычки. Во-первых, это не гигиенично, когда речь идет о работе хирурга, во-вторых, это дисциплинирует. Когда усталый и сонный все равно с утра приводишь себя в порядок, понимаешь, что силы еще есть. Сейчас ситуация была похожей. И Вэньхуа понимал пациенток Хусин, которые, лежа в стационаре, делали укладку и красились. Таких было немного, над ними иногда посмеивался персонал, но им самим это было важно. Так им казалось, что они что-то контролируют.

Мэйлин Юн

Когда они жили в Пекине, Мэйлин нравилось смотреть, как бреется Вэньхуа. Потому что она могла в это время всячески дурачиться и рисовать пеной для бритья на его спине всякую ерунду. И эта пена всегда так вкусно пахла, ментолом и чем-то еще, она любила уткнуться носом в его щеку и вдыхать потом этот запах. Это были их маленькие семейные моменты. А сейчас, глядя на то, как Вэньхуа пытается рассмотреть себя в этом маленьком зеркале, Мэйлин испытала острое чувство тоски по их дому, их зеркалу в ванной и даже по этой ментоловой пене для бритья, хоть страдать по последнему было совсем уж глупо. Поэтому она отвернулась и, пока Вэньхуа приводил себя в порядок, как ему хотелось, она собрала использованные бинты, шприцы и пустые ампулы в один пакет, чтобы их потом сжечь в огне открытого очага под навесом.

Все так сильно изменилось с тех пор, когда они приехали в госпиталь. Все было не так, как раньше. Наверное, уже никогда и не станет так, как было раньше. Рисовать солнышки и котят на спине Вэньхуа внезапно стало как-то глупо. И ее любовь к фотографиям и желание сделать целую стену из фотографий - глупо. И розовая плюшевая пижама - тоже глупо. И вообще она была такой глупой раньше, как ребенок, который никак не перерастет свое долгоиграющее детство.

- Хорошо, - ответила Мэйлин, когда Вэньхуа счел результат удобоваримым. И, помолчав немного, добавила. - Я, наверное, обрежу волосы. Они тяжелые, мешаются и мне постоянно кажется, что в них всегда целая песочница. Хочу совсем коротко. Потом все равно отрастут.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа внимательно посмотрел на Мэйлин. У неё были невероятные волосы: длинный водопад черного шелка, которые он лишь изредка мог видеть распущенными, а остальные не видели вовсе. Она обычно собирала их в прически, чтобы не мешали, особенно на работе.

- Мне очень нравятся твои волосы, но делай так, как тебе удобнее, - сказал Вэньхуа.

Волосы были частью внешнего образа, но не более. Он любил Мэйлин не за них, а за то, какой она была. Смелой, доброй, отчаянной. Самой близкой и родной. Вэньхуа не считал, что может указывать Мэйлин, пусть даже когда она стала его женой, как ей выглядеть и что ей делать со своим телом. Когда-то она решилась расписать всю спину музыкой ветра, сейчас она хотела обрезать волосы. Когда-нибудь она могла захотеть побриться наголо или выкрасить волосы в лиловый цвет, и это было её правом распоряжаться собственным телом.

- Я буду тебя любить и с длинными, и с короткими волосами. И даже с зеленым ирокезом, - сказал Вэньхуа. - Но надеюсь, что до этого не дойдет, - добавил он, имея в виду ирокез .

Мэйлин Юн

Мэйлин никогда в жизни не обрезала волосы короче, чем по пояс. Сначала мама запрещала, потом как-то самой они полюбились, так что расставаться с подобным

богатым украшением было жалко, а потом она встретила Вэньхуа, и ему тоже очень нравились ее длинные волосы. Но они хороши в Пекине, когда есть возможность за ними тщательно ухаживать, ведь они требуют особенного внимания, чтобы и дальше оставались такими же гладкими и красивыми. А здесь на солнце они выгорали, портились и становились сухими и ломкими. Мэйлин, как могла, старалась их реанимировать, но все отчетливее понимала, что милосерднее будет избавить и саму себя и волосы от взаимных страданий. И, наверное, каждая женщина должна в своей жизни пережить хоть раз стремление кардинально изменить прическу, чтобы понять, что этого ей не стоило делать.

- Всегда хотела себе зеленый ирокез. Но мама не разрешала, - она нашла в себе силы улыбнуться. Может быть, в период особенного бунтарского возраста, Мэйлин действительно хотела сделать что-то такое...но, конечно, вместо ирокеза выбрала татуировку. Потом вторую, а затем и третью. А когда вернется, сделает еще одну, но уже на руке.

- Как себя чувствуешь? - спросила она. - Не болит?

Вэньхуа много двигался за сегодняшнее утро, поднимал руки и мог разбередить рану. Ему мог опять потребоваться лидокаин, но он из упрямства мог об этом молчать, чтобы казаться самому себе более выносливым и сильным, чем было на самом деле. На самом деле это нормально, врачи терпеть не могут быть на месте пациентов.

Дин Вэньхуа

- Ноет, но терпимо, - ответил Вэньхуа. - Кажется, я начинаю оживать.

Он вполне мог обойтись без лидокаина, потому что все попытки шевелиться этим утром не приводили к сильной боли и не заставляли прекращать движение. Ребра ныли, за грудиной боль была вполне терпимой и больше походила на фоновый дискомфорт. По сравнению с предыдущими днями все было намного лучше.

- Шов чешется под пластырем, - Вэньхуа чуть улыбнулся. - Особенно ночью, но это уже придется потерпеть.

Кожа заживала, и из-за этого возникал постоянный зуд. Кроме того, у Вэньхуа не было возможности принять душ, и это было неприятно. Если в первый день после ранения он не думал о таких мелочах, то сейчас все чаще вспоминал о простейших бытовых удобствах и личной гигиене. Это было хорошо с точки зрения диагностики, но неприятно в роли пациента.

Вэньхуа очень надоело просто лежать. Он не высказывал этого Мэйлин, зная, что она разрешит ему вставать, когда будет такая возможность. Просто терпел и ждал, когда у него будет чуть больше свободы передвижения.

Мэйлин Юн

Вэньхуа храбрился, и это было видно невооруженным взглядом. Ему не нравилось валяться без дела, потому что он к этому не привык, даже если сейчас сто раз объяснить ему, что он не бездельничает, а восстанавливается, это бы не возымело

эффекта. Мэйлин была точно такой же - упрямой и даже упертой в своем желании подорваться и куда-то бежать и что-то непременно делать.

- Давай попробуешь сесть? - предложила она. Будь они в Хусине, она бы такую крамолу никогда бы не предложила пациенту всего через несколько дней после такой сложной операции. Там в реанимации только сутки держали, потом еще как минимум неделю - в строгом постельном режиме в профильном отделении, а уже только затем разрешали расширять двигательный режим. И начиналось это все с лечебной физкультуры в очень ограниченных количествах, только ногами, а уже потом, когда надевали корсет, можно было слегка приподнимать руки обязательно только до чувства даже самой малейшей боли.

- Ненадолго, чтобы немного адаптировать сердечно-сосудистую систему к нагрузкам, - и доказать Вэньхуа, что он еще не готов к тому, чтобы вставать и что-то делать кроме того, чтобы просто лежать и отдыхать. Швы начали зудеть, значит заживали, и к ним возвращалась чувствительность, это было хорошим знаком. Сейчас нужно было следить, чтобы не образовывались спайки, а шов оставался подвижным и мягким, иначе это могло в обратном случае привести к контрактурам.

Дин Вэньхуа

Слова Мэйлин звучали приятнее райской музыки: она всерьез предлагала сесть. Вэньхуа был готов встать и идти, ему казалось, что он достаточно хорошо себя чувствует для этого.

- Давай, конечно, - согласился он.

Вэньхуа повернулся чуть на бок, чтобы удобнее опереться на локоть, затем стал решать, как лучше сесть, чтобы меньше тревожить шов, который он почувствовал почти сразу. Он пока не стал садиться, лишь немного привстал на локте, дожидаясь указаний от Мэйлин.

- Поможешь? - спросил он у девушки.

Возможно, стоило позвать Майка, потому что Вэньхуа весил заметно больше Мэйлин. Но он надеялся, что сможет сесть практически самостоятельно, не заваливаясь на девушку всем весом.

Вэньхуа надоело все время лежать. Даже есть приходилось лежа, и спина постоянно затекала от неизменного положения. Еще хотелось спать на боку, но до этого было еще долго, потому что любое движение, при котором хоть немного растягивалась кожа на груди, позволяло ощутить шов по всей длине, как будто из него резко выдергивали нить.

Мэйлин Юн

Мэйлин задумалась над тем, из чего бы можно было сделать Вэньхуа достаточно плотный корсет, чтобы обеспечить поврежденным мышцам кора достойную поддержку. С такими корсетами болезненность при движениях из-за ограничения подвижности сводилась к минимуму, но ничего дельного, кроме тугого бинтования, она не могла придумать. А Вэньхуа уже чуть ли с кровати не готов был бегом

бежать, пока она свои мысли думала.

- Да. Перекатись на этот бок, - она указала на противоположный тому, что был ранен. - И постарайся не прогибаться в поясе, а опирайся на руку и затем медленно выпрямляй локоть. Так кожа будет меньше тянуться.

Мэйлин весила много меньше Вэньхуа, была ниже его и вообще не отличалась атлетическим телосложением. Но ей приходилось часто работать с такими пациентами, и она умела заставить их собственный вес работать на себя, а не против. Да, это было непросто, все же приходилось иногда буквально тащить на себе пациента, но в итоге желаемого все-таки можно было добиться.

Обычно над кроватями были рукоятки на ремнях, при помощи которых можно было удобно приподняться без лишней боли. Здесь этого не было, поэтому приходилось импровизировать. Мэйлин обхватила Вэньхуа за пояс ниже области раны, чтобы не дать туловищу вполне логично отклониться в сторону, а сохранить прямое положение. Так подниматься приходилось только за счет силы в руках, но зато не тревожились швы.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа осторожно сел, следуя инструкциям Мэйлин, пока она его поддерживала. Как только он сел, по всему телу побежали мурашки, а комната поплыла и лишь через несколько мгновений встала на место. Вэньхуа с трудом удержался, чтобы не упасть, и прикрыл глаза, потому что так было проще сосредоточиться на ощущениях от тела.

Пuls резко усилился: он стучал где-то в висках с такой скоростью, будто Вэньхуа не поменял положение тела, а пробежал пару километров. Это все было неприятно. Вэньхуа уже понял, что кровопотеря была очень сильной, что сосуды пока не готовы даже к таким минимальным нагрузкам, и что все намного хуже, чем ему казалось. Но он надеялся, что еще немного вот так посидит, и постепенно придет в себя.

- Голова немного кружится, - признался он, растерянно улыбнувшись.

Вэньхуа приобнял Мэйлин и постарался выровнять дыхание. Сердце чуть покалывало. Возникший было звон в ушах стих до комариного писка, а затем исчез вовсе или стал почти неразличимым. Еще пара медленных вдохов и выдохов, и Вэньхуа почувствовал, что ему стало немного лучше.

Мэйлин Юн

- Только немного? - усмехнулась Мэйлин в ответ. Это было одной из вариаций ортостатических проб, используемых для оценки состояния сердечно-сосудистой системы - так называемая проба "сесть-лечь". И уже ее Вэньхуа безнадежно заваливал, что было вполне ожидаемо для его состояния. Он заметно побледнел, а на лбу выступила холодная испарина. К тому же не нужно было использовать стетоскоп, чтобы услышать, как бьется раненое и зашитое сердце Вэньхуа, казалось, оно отчаянно рвалось из груди.

- Сейчас пройдет. Не дыши слишком глубоко, дыши просто спокойно, - тихо

посоветовала она. - Сейчас адаптируешься, а потом будем ложиться обратно, - это всегда сложно в первый раз. Потом с каждым разом будет все легче и легче, и можно будет переходить непосредственно к вставанию с самой кровати. К тому моменты швы затянутся еще лучше и болезненность снизится настолько, что можно будет подняться. Пусть медленно, но зато самостоятельно.

- Готов? - спросила Мэйлин через минуту или около того, намекая на то, что пора возвращаться обратно в горизонтальное положение. - Все в обратном порядке, сначала на руку, потом на локоть, а потом повернешься на спину.

Уже примерно раз пять была возможность и даже необходимость применить врачевание, но Мэйлин все равно медлила и оттягивала тот момент, когда ей все-таки придется это сделать. Она все для самой себя уже решила, но почему-то считала, что сейчас еще не то время, когда действительно надо. Что-то ее останавливало. Что-то, чему она не могла дать название. И не могла понять причину, почему так поступает.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа выровнял дыхание, и стало легче. Он был готов посидеть еще, чтобы привыкнуть к этим ощущениям, но Мэйлин велела ложиться обратно, и пришлось слушаться. Тем более что немного мутило и самочувствие было довольно противным.

Вэньхуа оперся на руку, опустил на локоть, затем снова лег на спину. В следующее мгновение его настигли вертолеты, но они прошли быстрее, чем головокружение после того, как он сел.

- Я думал, что будет легче, - признался Вэньхуа. - Что хотя бы сесть смогу уже без проблем.

Он смотрел в потолок, восстанавливая дыхание. Сердце пока еще колотилось намного быстрее, чем было бы логично, и его удары ощущались за грудиной иногда даже ноющей болью. Сосуды отказывались нормально работать и держать давление, организм еще не восстановился после ранения и кровопотери, и пока предпочитал вести овощной образ жизни. Но Вэньхуа это категорически не нравилось. Он злился на себя из-за этого бессилия и не знал, как реагировать и не показывать эту злость перед Мэйлин. Она явно не была удивлена, значит, знала, что ожидать от его попытки сесть в кровати. Ему оставалось только довериться ей.

Мэйлин Юн

Обратно получилось лечь быстрее, чем подниматься, и это было вполне логично. Но вряд ли ощущения при этом были намного приятнее. Сердечно-сосудистая система не справлялась с таким объемом нагрузки. Со стороны могло показаться, что в том, чтобы просто сесть в кровати, нет ничего сложного, но так могло показаться только человеку, который никогда не сталкивался с обильной кровопотерей и ранением сердца.

- Вэньхуа, прошло еще очень мало времени, - ответила Мэйлин, когда Вэньхуа улегся и попытался восстановить дыхание. Ему было непросто, и Мэйлин хотела

поддержать его. Не было его вины в том, что его ранили и теперь ему приходилось учиться жить с этим ранением, пусть даже и временно. А он злился на самого себя из-за того что его тело его подводило, не желая соответствовать его ожиданиям. - Дай себе немного восстановиться. От того, что ты сейчас вскочишь, лучше тебе не станет.

Она закусил губу, сосредоточенно о чем-то думая. Должна ли она была сейчас пересилить себя, и свой внутренний стоп-сигнал, чтобы помочь Вэньхуа? Мэйлин положила ладонь на грудь мужчине в области сердечной чакры, чтобы прочувствовать ее скудную энергию. Ничего не случится страшного, если она просто поможет организму восстанавливаться быстрее, чем это заложено природой ранения. Или хотя бы поможет ему справиться с этой возникшей после подъема слабостью. Энергия зеленого цвета, сейчас направляемая тонким потоком от ладони Мэйлин, как нейтральная, сама найдет самые слабые места в теле и поможет им прийти в норму.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа закрыл глаза, слушая то, что говорила Мэйлин. Она была права, и на её месте он говорил бы то же самое. И В Хусин он то же самое сотни раз говорил своим пациентам: не нужно спешить там, где необходимо выждать время. При серьезных травмах и болезнях нельзя взять и "починить" человека за один день. Пока восстанавливается одно, накапливаются другие проблемы. И дальше идет медленная планомерная реабилитация, которая, если повезет, позволяет восстановиться полностью или почти полностью. Просто когда лежишь в кровати сам, это все воспринимается совсем по-другому. И очень сложно объективно оценивать собственное состояние.

От руки Мэйлин шло тепло. Боль за грудиной проходила, и становилось легче дышать. Сначала Вэньхуа показалось, что это просто из-за того, что он немного успокоился, но потом он начал понимать, что не только в этом.

- Ты что-то делаешь сейчас с энергией? - спросил он.

Это странное тепло проникало в тело, как будто заполняло грудную клетку и растекалось дальше. Кожа под пластырем стала зудеть чуть сильнее, но в основном ощущения были глубже: в сердце, в легких, в ребрах.

Мэйлин Юн

Мэйлин обычно предпочитала, чтобы ее пациенты не понимали, что она что-то там делает с энергией, но обычно такое прокатывало только если человек никогда не был знаком с врачеванием или магией в общем. Потому что в этом случае легче списать необычные ощущения на эффект от лекарств, осмотра, погоду, влияние звезд и даже китайский гороскоп.

- Я ею с тобой делюсь, - ответила Мэйлин. - И больше пока ничего. Пытаюсь восстановить баланс, а организм потом сам распределит энергию так, как ему нужно, и потратит туда, куда нужно. Это дольше, чем лечить точечно и направленно, но я никогда не лечила раны сердца и легких, не хочу рисковать.

Опять же, в теории она знала, как это сделать, потому что принцип лечения был везде одинаков, но они сейчас были в таких условиях, что если она где-то ошибется и сделает что-то неправильно, некому будет исправлять то, что она натворила. Здесь врачи в округе днем с огнем не сыщешь, а медбрат - все-таки медбрат, а не квалифицированный врач, он больше привык выполнять указания и рекомендации, чем действовать самостоятельно.

Ей удалось добиться того, что потускневшая и скудная аура стала чуть ярче и насыщеннее, поэтому Мэйлин убрала ладонь и пошевелила пальцами, чтобы скинуть напряжение в суставах. Эта дележка энергии не была для нее критичной, но все равно ощущалась как легкая усталость и слабость.

Дин Вэньхуа

- Спасибо, - сказал Вэньхуа. - Ты уверена, что я пока ничего не смогу сделать сам?

Он понимал, что Мэйлин тратит собственную энергию, которой у нее не так много с учетом нервов и нехватки сна. Но понимал, насколько бессмысленно её от этого отговаривать, поэтому Вэньхуа просто рассчитывал на здравый смысл девушки.

- Я чувствую эту энергию. Она теплая, собирается в грудной клетке, примерно в сердце, затем растекается по телу.

Вэньхуа хотел хоть как-то влиять на собственное лечение помимо того, что смиренно лежал в постели и слушался Мэйлин. В Хусин они иногда давали пациентам разные почти бессмысленные и безопасные рекомендации вроде упражнений для кистей рук после серьезных поражений ЦНС, которые давали больным возможность считать, что они не так просто лежат, а что-то еще делают для лечения. Но помимо этого в Хусин было кабельное телевидение в палатах, и там можно было без труда достать книги и периодику. Здесь же приходилось просто лежать и рассматривать одни и те же стены и один и тот же потолок. Это сводило с ума. Даже если не надеяться, что попытки Вэньхуа освоить работу с энергией заметно ускорят выздоровление, они могли стать хоть каким-то развлечением.

Мэйлин Юн

- Я уверена, - терпеливо ответила Мэйлин в очередной раз, когда Вэньхуа снова завел разговор про то, что он хочет и может сам, а злая жена ему не разрешает, такая вредная женщина. Тем более, что она процесс лечения сочла на сегодня уже достаточным и не собиралась больше возвращаться к врачеванию, чтобы не усугублять ситуацию уже со своей энергией. С непривычки ломило руки, Мэйлин давно не практиковалась во врачевании, если это было не просто посмотреть ауру с целью более точной диагностики поражения (а что делать, если FAST и рентген заняты, а тебе надо как-то лечить?). - Просто лежи и наслаждайся тем, что я тебя лечу. По-крайней мере пока.

Вэньхуа было скучно, Мэйлин это прекрасно понимала. Здесь было решительно нечем заняться, только смотреть в потолок до одурения. Если уж Мэйлин сама маялась от скуки, а она не была ограничена в какой-либо деятельности, то Вэньхуа приходилось еще сложнее не выть от тоски. Хотя на его месте Мэйлин бы просто отсыпалась вволю. С другой стороны, вот когда есть у тебя возможность спать хоть

до обеда, почему-то просыпаешься ни свет ни заря, и сна ни в одном глазу. А когда тебе в 7 утра надо быть уже на планерке в кабинете Полковника, то спишь чуть ли не на ходу.

- Если совсем скучно, крути воображаемые педали, - посоветовала Мэйлин, улыбнувшись. - Ноги-то у тебя на месте. Зато к следующему разу, когда будем садиться, тебе будет уже намного проще.

Дин Вэньхуа

Мэйлин сжалась, дав хоть какое-то задание. Примерно так готовили космонавтов, или людей, которым предстояло встать на ноги с еле работавшей сердечно-сосудистой системой. Такие упражнения укрепляли периферические сосуды и помогали бороться с застоем крови, иначе долгое неподвижное лежание грозило трофическими нарушениями.

- Хорошо, - согласился Вэньхуа. - Это намного лучше, чем ничего не делать, - он улыбнулся.

Он не хотел, чтобы Мэйлин злилась из-за его нытья и старался себя контролировать, но все равно получалось, что он то рвался быстрее встать, то чувствовал себя эгоистом, когда о чем-то просил. Очень неприятное состояние, с которым оставалось на какое-то время просто смириться.

- Как думаешь, у Дауда есть нарды? - спросил Вэньхуа.

Он знал, что в этих краях многие играли в нарды, и это могло стать хоть каким-то развлечением. Да и у Мэйлин тут вряд ли был разнообразный отдых, когда она не нянчилась с ним. Вэньхуа устроили бы и шашки, и шахматы, и даже карты, лишь бы только не смотреть в потолок.

Мэйлин Юн

Вэньхуа согласился даже на такое ерундовое занятие, только бы заняться хоть чем-нибудь, а не пролеживать бока. Прележни ему, конечно, и без того не грозили, потому что он постоянно ворочался, пытаясь пристроиться поудобнее, и Мэйлин неизменно просыпалась каждый раз, когда слышала хоть малейший шорох с соседней кровати, хотя обычно она спала крепко.

- Мне кажется, у стариков в деревне они есть, должны же они чем-то целыми днями заниматься, пока пьют чай и гоняют молодежь? - предположила Мэйлин. Работать старикам уже не надо, они свое отработали, вот и приходилось им сидеть целыми днями под навесом от солнышка, кидать кости и потягивать чай с соседями, пока все остальные вокруг выражают свое уважение и благодарность, а еще работают и содержат дом. Наверное, у них возраст после шестидесяти здесь считается самым золотым.

- И еще мне кажется, что если я еще что-нибудь попрошу у Дауда, они нас выгонят, - говоря это, Мэйлин не сдержала улыбки, потому что и сама мало в это верила, но ей было неловко постоянно просить о чем-то гостеприимных хозяев. То, что они сами согласились приютить их на то время, пока Вэньхуа не восстановится, совершенно

не значило, что им можно было деликатно присесть на шею. Хватало уже и того, что Зейнаб готовила на пятерых вместо двоих.

- Схожу завтра в деревню, мне все равно надо зайти к старосте, поблагодарить его и спросить о новостях из госпиталя. Ну и жену его посмотреть.

Дин Вэньхуа

Дауд был гостеприимным хозяином, но Вэньхуа был согласен, что нарды лучше было раздобыть в деревне. Хозяева этого дома и так рисковали собственной безопасностью, пустив их до тех пор, пока не удастся выбраться обратно в госпиталь. Если боевики узнают, Дауд и Зейнаб окажутся в смертельной опасности, а это было серьезнее, чем мелкие просьбы вроде бритвы или нард.

- Как скажешь, - ответил Вэньхуа.

Вскоре его снова стало клонить в сон. Он почти привык к тому, что постоянно засыпал, и мог в течение дня отключаться про три-четыре раза и спать довольно долго. Так организм восстанавливал силы, хоть и ночью сон становился беспокойным из-за того, что в течение дня не накапливалась усталость.

В итоге Вэньхуа снова заснул, как только перестал бороться со сном, стараясь поддерживать разговор с Мэйлин. Сегодня все было немного лучше, хоть Вэньхуа и не был доволен тем, как себя почувствовал, попытавшись сесть. Но всему свое время, возможно, уже через несколько дней все будет лучше. Шаг за шагом, не так быстро, как хотелось, но будет.
